

А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель.¹⁾

Съ внѣшней стороны біографія А. Е. Крымскаго—это біографія кабинетнаго ученаго.

Онъ родился 3 января 1871 г. во Владимірѣ Волинскомъ въ небогатой семьѣ уѣзнаго учителя исторіи (потомка татарскаго выходца изъ Крыма), среднее образованіе закончилъ въ 1889 г. въ Кіевѣ, въ Коллегіи Павла Галагана, гдѣ на выработку его научныхъ интересовъ въ области украинской филологіи и его эстетическихъ вкусовъ имѣлъ большое вліяніе П. И. Житецкій, извѣстный филологъ и историкъ литературы; въ 1892 г. онъ окончилъ спеціальные классы Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ въ Москвѣ, а въ 1896 г.—историко-филологическій фа-

---

1) Произведенія украинскихъ писателей, особенно новѣйшаго періода, изданныя большею частью за границей, а также и критическіе разборы этихъ произведеній, появившіеся и появляющіеся въ галицкихъ изданіяхъ, остаются почти совершенно неизвѣстными для широкихъ круговъ нашей читающей публики. Чтобы хотя отчасти восполнить указанный пробѣлъ, Редакція предполагаетъ въ настоящемъ году дать рядъ литературныхъ очерковъ и характеристикъ, посвященныхъ преимущественно дѣятелямъ новѣйшаго періода (съ 70-хъ годовъ) украинской литературы, наименѣе у насъ извѣстнаго. Предлагаемая вниманію читателей въ этой книжкѣ статья о литературной дѣятельности А. Е. Крымскаго, какъ украинскаго писателя, и представляетъ собою первый изъ такихъ очерковъ. *Ред.*

культетъ Московскаго университета, послѣ чего два года (1896—1898) провелъ въ Сиріи, куда былъ командированъ для подготовленія къ профессурѣ по арабской словесности. Возвратясь, онъ съ 1898 г. читалъ лекціи въ Лазаревскомъ институтѣ, профессоромъ котораго, по арабской словесности и исторіи мусульманскаго востока, онъ состоитъ и въ настоящее время, ведя крайне замкнутую жизнь въ своемъ ученомъ кабинетѣ.

По своей спеціальности А. Е. Крымскимъ изданъ уже рядъ работъ на русскомъ языкѣ ¹⁾. Кромѣ того, онъ участвовалъ или участвуетъ на украинскомъ или русскомъ азыкѣ своими научными, беллетристическими и поэтическими работами въ журналахъ: «Правда», «Народ», «Зоря», «Жите і слово», «Літературно-науковий Вістникъ», «Дзвінокъ», «Зеркало», «Кіевская Старина», «Этнографическое Обозрѣніе», «Труды Этнографическаго Отдѣла» и др. Кромѣ многочисленныхъ рецензій и замѣтокъ, помѣщенныхъ въ названныхъ органахъ и относящихся къ украинскимъ филологіи, фольклору и литературѣ, г. Крымскимъ напечатаны еще слѣдующія работы, касающіяся украинскаго языка: «Наша языкова скрута и спосибъ зарадыты зьхови» (Зоря, 1891, 472)—статья по поводу возникшаго въ 1891 г. въ украин-

1) Ограничиваемся ихъ перечисленіемъ, такъ какъ онѣ не входятъ въ кругъ нашего обзора. Литографически изданы курсы лекцій: «Изъ арабской словесности», «Исторія сасанидскаго Ирана» и «Старѣйшая исторія ислама», «Исторія халифата», „Исторія Персіи, ея литературы и дервишской философіи“, «Лекціи по исторіи семитскихъ языковъ», «Лекціи по корану»; напечатаны: «Очеркъ развитія суфизма до конца III вѣка Гижры» (1895), „Мусульманство и его будущность“ (М., 1899), «Исторія мусульманства» (М., 1903, 2 чч.), „Семитскіе языки“ (М., 1903) и цѣлый рядъ меньшихъ работъ, опубликованныхъ г. Крымскимъ въ качествѣ редактора или сотрудника большей части изданій Лазаревскаго института, сотрудника (а теперь редактора) „Восточныхъ Древностей“ и «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона (по отдѣлу мусульманской исторіи и литературы—около 200 статей); кромѣ того, г. Крымскій пишетъ по-арабски въ бейрутскомъ журналѣ «аль-Маширикъ». Онъ состоитъ секретаремъ Восточной Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

скихъ журналахъ спора о языкѣ галицкихъ поэтовъ, въ которой основательно указывается на необходимость составленія возможно-полнаго украинскаго словаря, съ обозначеніемъ широты распространенія каждаго слова въ народномъ и литературномъ языкѣ,—только такой словарь далъ бы необходимый матеріаль для сужденій о языкѣ украинской литературы; того-же вопроса касаются и статьи: «Ще про «общерусске единство языкове» (Буковина, 1882, № 4) и «Про нашу литературну мову» (Литературно-Науковий Вистникъ, 1901, № X); «Филологія и Погодинская гипотеза»¹⁾—обширная работа, разсматривающая съ филологической точки зрѣнія извѣстную Погодинскую мысль, защищавшуюся одно время и г. Соболевскимъ, о несуществованіи малорусскаго племени на кievскомъ югѣ въ дотатарскій періодъ,—къ сожалѣнію, работа не окончена въ печати; «О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на *енне* и *инне*—въ «Юбилейномъ Сборникѣ въ честь В. Ө. Миллера» (1900).

Старой и новой украинской литературы и фольклора касаются статьи: «Юаннь Вышенскій, его жизнь и сочиненія» (Кiev. Стар. 1895 и отдѣльно)—разборъ диссертациі г. Франко о Вышенскомъ: «Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ» (ib., 1896, X)—указаніе источниковъ для нихъ, сдѣланное по поводу статьи проф. Сумцова на ту-же тему²⁾; «Михайль Петровичъ Драгомановъ» («Этнографич. Обзоріе», 1895, кн. XXVII)—обширный некрологъ; «Мыхайло Комаръ» (Зоря, 1896, 358)—литературная характеристика извѣстнаго украинскаго литератора и редактора русско-украинскаго словаря; вступительныя статьи ко II, III и V томамъ «Творів Степана Руданського», изданнымъ (Льв., 1896, 1901) подъ прекрасной редакціей самого-же проф. Крымскаго³⁾; «Чому Олекса Стороженко кынувъ пысаты по укра-

1) Кievская Старина, 1898, VI, IX; 1899., I, VI, IX.

2) Въ VIII т. «Сборника Харьковскаго Историко-филолог. Общества».

3) Въ V томѣ помѣщена также статья г. Крымскаго о поддѣльныхъ памятникахъ чешской старины («Краледворской рукописи» и др.).

иньскы?» (Л. Н. Вистныкъ, 1901, V); «Иванъ Франко» — обстоятельная статья въ «Энциклопедическомъ Словарѣ» Брокгауза и Ефрона (71-й полутомъ). Слѣдуетъ еще отмѣтить разборъ книги г. И. Степенка о Котляревскомъ: полный разборъ былъ награжденъ золотой медалью отъ Академіи Наукъ, а часть его напечатана въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» (1901, кн. L). Старой малорусской литературы касается и обзоръ состава Румянцевскаго музея въ Москвѣ: «Про Румянцевскій музей у Москви» (Жыте и слово, 1894, т. I и II, 402 и 265).

Кромѣ того, г. Крымскимъ издана еще книга: «В. А. Клоустонъ. Народни казкы та выгадки, ихъ вандривкы та перемины. Зъ англійской мовы переложывъ А. Крымскій» (Льв., 1896). Это не полный переводъ двухтомной работы Клоустона (Popular tales and fictions, their migrations and transformations), а сборникъ, составленный изъ перевода «Introduction» упомянутой работы и главы оттуда-же: «Арабська повисть про Антара»; къ этому прибавлены переводы г. Франка египетской сказки о двухъ братьяхъ и статей о ней Ж. Масперо и Э. Коскена, и все снабжено пояснительными замѣчаніями г. Крымскаго. Книга является цѣннымъ пособіемъ для начинающаго фольклориста.

Обширная эрудиція автора и умѣнье его просто и интересно писать даже о наиболѣе специальныхъ и сухихъ предметахъ являются особенностями какъ названыхъ статей, такъ и тѣхъ разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ замѣтокъ и научныхъ и литературныхъ рецензій, перечисленіе которыхъ заняло бы слишкомъ много мѣста ¹⁾. Но, кромѣ того, во всемъ этомъ выражена

¹⁾ Перечень его научныхъ трудовъ напечатанъ проф. А. С. Хановымъ въ „Тридцатилѣтніи Спеціальныхъ классовъ Лазаревскаго Института Восточныхъ языковъ“ (М., 1902). Въ украинскихъ журналахъ г. Крымскимъ напечатаны рецензіи и критическіе разборы отдѣльныхъ работъ: Галипа, Гринченка, Заренка, Кобылянської, Осадчаго, Павлика, Тихонравова и Миллера, Тобилевича, Франка, Янчука, Истребова и др.; также обзоры московской дубочной литературы, относящейся къ Украинѣ: «Украинсько-руськи видання московськихъ дубочныквивъ» (Зоря, 1890, 335) и „Дубочна украинська литература“

ярко еще одна характерная черта автора, уже отмѣченная критикой ¹⁾ и проявляющаяся во всемъ, что-бы ни писалъ онъ—въ научныхъ статьяхъ, разсказахъ, стихотвореніяхъ (за исключеніемъ, впрочемъ, лекцій для студентовъ),—это проявленіе индивидуальности автора—впечатлительной, нервной, способной къ горячимъ порывамъ чувства и въ то-же время постоянно стремящейся къ искреннему и объективному раскрытію истины, какъ она представляется автору. Съ точки зрѣнія, требующей отъ ученаго безстрастно-спокойнаго отношенія къ излагаемымъ фактамъ, это, вѣроятно, недостатокъ, но за то—это въ сильнѣйшей степени приближаетъ читателя къ автору, а потому и усиливаетъ вліяніе прочитаннаго.

Но переходимъ къ разскамъ г. Крымскаго. Ихъ немного. всего девять, собранныхъ въ томикъ: «Повістки и эскизы зъ украинського жыття» ²⁾.

За исключеніемъ одного разсказа, содержаніе всѣхъ остальныхъ почти цѣликомъ посвящено изображенію жизни образованныхъ слоевъ общества.

Сильно занимаетъ автора вопросъ объ отношеніяхъ между «старшими» (родителями, учителями) и «младшими» (дѣти, школьная молодежь). Онъ возмущается, въ разсказѣ «Батькивске право», родителями, не признающими въ дитяти *человѣка*, имѣющаго право на свои собственныя мысли и чувства, и топчущими нравственное я ребенка по «праву» своей родительской власти.

—«Отъ учора»,—разсказываетъ кухарка о своей маленькой, только что избитой ею, дочери.—«узяла за щось суперечытысь зо мною: я—слово, вона—дві.—зовсимъ мене забелькотала.—

(ib, 1892, 340, 361). Подъ его-же редакціей издано для народа московскимъ дубочникомъ Губановымъ нѣсколько вещей Г. Квитки.

1) И. Франко, Наша поезыя въ 1901 році. II. (Л. Н. Вистнякъ, 1902, № II, 115).

2) Коломыя и Львиль 1895. Въ 1902 г. три разсказа изъ этого томика изданы въ Москвѣ подъ заглавіемъ: „Изъ повістокъ и эскизівъ“.

«Яке ты маешъ право, зйидытелько, усе казати и робити въ су-корь? Щобъ ты приймомъ пропала!» кажу: «чы не тямышъ, що я твоя маты?»—«То що зъ того? Коны жъ на цей разъ *моя* правда!»—«Але я маты! Ты не сміешъ проты матери кырпу гнуты, хырюща дивчыно!»—«Чому?»—пыта вона... «Чому жъ, коны вы маты, я мусю геть въ усѣму васъ слухать?» Я зповъ вызвиры-лась на неи: «Якъ то—чому? Та я жъ тебе зродыла на свить! Я тебе годую!»—«Дуже я васъ прохала, щобъ вы мене на свить по-рожалы! Може, воно було-бы й гарнійшъ, якъ бы що я зовсимъ не родылася. А самы породылы, то мусыте й годуваты» (3).

И удивительно, какъ сходитя нравственное пониманіе этой «пекультурной» Горпыны съ пониманіемъ тѣхъ-же вопросовъ, «культурнымъ» господиномъ Ручицкимъ!

«А породылы, то й годуваты мусыте»,—згадалася ёму мова Настунина...—Не мусю! не мусю!—люто подумавъ винъ,—не мусю!! Якъ що я дитьмы опикуюся, то не тилькы *моя ласка!* и вони по-вынни цинуваты цю ласку та любыты мене та слухатыся!»

Какъ разъ та-же самая аргументація своихъ насилій надъ дѣт-ской душой, еще болѣе по своей сути возмутительныхъ, чѣмъ избіе-ніе Горпыной маленькой дочки. Душевное состояніе двѣнадцатилѣт-няго гимназистика Гната, у котораго отецъ отнялъ дневникъ и издѣвался затѣмъ по поводу написаннаго тамъ, очень правдиво изображено авторомъ, и у читателя невольно щемитъ при этой сценѣ сердце и онъ понимаетъ грубое и рѣзкое возмущеніе стар-шаго сына, восьмиклассника Кости. Подъ впечатленіемъ подоб-ныхъ отношеній юноша уже успѣлъ возненавидитъ всѣхъ «стар-шихъ» и допекаетъ ихъ систематически и сознательно, съ болѣз-неннымъ наслажденіемъ.

Еще большее и еще болѣе болѣзненное наслажденіе пахо-дитъ въ подобныхъ «допеканіяхъ» герой другого разсказа — «Перши дебюты одного радыкала»—гимназистъ Химченко. Умный, прони-цательный, онъ какъ только начинаетъ сознательно относиться къ дѣйствіямъ старшихъ, въ данномъ случаѣ—учителей, такъ сей-часъ-же, отчасти подъ впечатлѣніемъ собственнаго опыта, отчасти подъ вліяніемъ прочитанныхъ книгъ (главнымъ образомъ Писа-

рева) замѣчаетъ огромное количество неискренности, лицемерія, которое царитъ въ отношеніяхъ учителей къ учащимся. Онъ возмущается поведеніемъ учителей и гимназическаго начальства, затѣмъ поведеніемъ мирящихся со своимъ положеніемъ товарищей и, подъ влияніемъ цѣлаго ряда столкновеній и конфликтовъ съ тѣми и другими, ожесточается до такой степени, что ссорится съ цѣлымъ классомъ и превращается въ невозможнаго, невыносимаго пикѣмъ, придиру съ испорченными нервами и полнымъ отвращеніемъ къ наукѣ—таковъ былъ результатъ «педагогій», примененной къ умному и талантливому мальчику. Дома, на каникулахъ, онъ немного отдохнулъ, но семейная обстановка—полумѣщанская-получиновничья—также была не изъ тѣхъ, которыя способствуютъ успокоенію такихъ натуръ, какъ Химченко. Благодаря этому онъ вѣчно ссорился съ домашними и устраивалъ имъ всякіе непріятные сюрпризы. Онъ давно уже рѣшилъ «зневажаты всяке десогит, бо казавъ, що вси формы пристойности—панськи вытребенькы». И вотъ онъ выказываетъ ко всему этому презрѣніе и является, напр., въ театрѣ, въ туфляхъ, въ разстегнутой блузѣ и съ огломанной отъ плетчя палкой. Помѣстясь во второмъ ряду кресель, онъ громко говоритъ по украински—не потому, чтобы былъ «украинофиломъ», а кросто изъ за того, что украинскій языкъ казался ему наиболѣе мужицкимъ и потому наиболѣе пригоднымъ для оскорбленія аристократическихъ ушей... Онъ вооружается противъ царствующаго въ отношеніяхъ между людьми лицемерія и очень умѣло пользуется для своихъ штукъ тѣмъ матеріаломъ, который доставляетъ ежедневная жизнь. Вотъ, напр., отецъ не желаетъ дать гостю «Вѣшаго жида» Е. Сю и говорить, что книги нѣтъ дома, сынокъ-же съ невиннымъ видомъ находитъ ее, а на послѣдовавшіе затѣмъ укоры отца, отвѣчаетъ съ меньшей невинностью:

— Татуно, та вы жъ булы таки радниці дати ёму! вы навить казали, що...

— «Казали!» Хиба я настоянцо казавъ? Мало що инколы балакається!

— Тату!! невже вы зважылысь... брехать?!—тыхесенько спытавь Петрусь, трохы пошешкы.

Одъ сынового тону батько счервонивъ и мовчки заходывъ по стежци впередъ и назадъ.

— Яки тутъ брехни!—петерпельво одмовывъ винъ потимъ:—це жъ дрибница.

— А вчора, тату, вы казалы Маси, що чесна людына навить у дрибницяхъ не повинна брехаты пикола въ свити.

Слова ци булы вымовлени такъ прыродно, такъ соромляжо, що батько зовсімъ ставъ ни въ сыхъ, ни въ тыхъ»... (109).

Наиболѣе допекаетъ подобными выходками Петрусь своихъ двухъ сестеръ по поводу всякихъ ихъ фальшивыхъ косъ и другихъ дамскихъ тайнъ.

Онъ полагаетъ, что не виѣшняя форма какого либо дѣянiя имѣеть значенiе, а его внутренняя суть, а посему происходитъ слѣдующее. Когда, провожая сестру, онъ является въ галантерейную лавочку еврейки Хавы и когда послѣдняя на моментъ выходитъ изъ лавки, оставя въ ней только ихъ двоихъ, онъ выпинаетъ изъ кармапа ключи и пробуетъ отпереть кассу.

«—Боже мій!!—пошешкы гукнула на нѣго сестра.—Що ты робышь?!

— Хочу одимкнуты та подывытысь, чы багалько грошей у Хавы.

— Петре!!!

— А що жъ бо такого? адже не вкраду, подывлюсь тилькы.

— Кынь любчыку мій! кынь!—благала Маса:—падйде Хава, дакъ що ий у голову прыйде?! Думатыме, що ты злодiй!

— Хай думас.

— По всѣму городу зватымутъ тебе злодiякою.

— Хай звуть! а моя власна совисть буде, про те, чыста» (123).

Разказъ написанъ колоритно, и читатель не можетъ не хотать, читая описанiе всѣхъ этихъ чудачествъ. Фигура самого Петруся Химченка выходитъ совсѣмъ живою.

Другого рода отношенія находимъ мы въ разсказѣ «Не порозуміються». Деспотизма со стороны родителей (собственно— матери-вдовы) здѣсь нѣтъ, но есть нѣчто другое, столь-же грустное: полное несоотвѣтствіе во взглядахъ и нравственныхъ понятіяхъ между матерью-мѣщанкой и сыномъ-студентомъ. Мать, напр., продаетъ женѣ судьи молочные продукты. Барыня, получивъ счеты за забранное, черезъ прислугу, передаетъ, что въ счетахъ оказались невѣрности, сдѣланныя умышленно въ пользу Лаговской-матери. Лаговскій-сынъ возмущается ложью, идетъ объясняться съ судьиной и не стѣсняется въ выраженіяхъ. Узнавъ объ этомъ, мать тайкомъ отъ сына, бѣжитъ къ барынѣ извиняться отъ его имени. Когда сынъ узнаетъ все и протестуетъ противъ этого, она съ торжествомъ отвѣчаетъ:

— «Вона хоче тебе навить у гости до себе запрохаты... А все те зробивъ ништо, якъ я! — хвалылась вона, триумфуючы... Я сказала, що ты гарно граєшъ на скрипку. То вона: «Чи не захотивъ бы винъ узавтра прийты до насъ па вечирь граты до танцивъ?» А я кажу: «Винъ дуже радий буде»...

— Що?!! Що кажете?!!

Маты не зрозуміла сынового тону. Вона навить думала, що винъ отакъ згукнувъ зъ несподиванихъ радощивъ, и казала дати:

— Бачишь, отъ що: въ неи взавтра буде багацько гостей, — дакъ їй хочеться, щобъ були танци. Тилькы жъ на горенько нема теперъ у городи музыкъ: поїххали па село до одного папа. Та есть тутъ одна гувернантка: то вона взавтра гратыме на фортепянь а ты гратынешъ укуни зъ цео па скрипку. Воно їй буде такъ пеначе оркестръ... Ты будешъ граты, а нидь твою музыку танцюватыме все панство... И це я зробыла, я!..» (318).

Ея типическое пошлое рабское мѣщанство хорошо изображено авторомъ; но вѣроятно слишкомъ густы краски, которыми онъ изображаетъ другое рабство—служанки Текли (стр. 314—317),—оно во всякомъ случаѣ не такъ ужъ типично. Намъ думается также, что описаніе физическаго отвращенія, вызваннаго у героя-истерика сообщеніемъ о надучей болѣзни матери (стр. 295) могло бы быть съ пользою для разсказа опушено.

До сихъ поръ виновны были «старшіе», но вотъ выступаютъ на сцену и «младшіе». «Вырывки зъ мемуаривъ одного старого гриховоды»—это, по дополнительному заглавію,—«матеріалы для діагноза psychopathiae sexualis». Последнее заглавіе только отчасти соотвѣтствуетъ содержанію, какъ бы раздвоенному: съ одной стороны это размышленія стараго грѣховодника, теперь эпилептика, по поводу половыхъ отношеній, размышленія слишкомъ конкретнаго характера для того, чтобы не получалось впечатлѣнія соотвѣтствующей странички психопатологій, а съ другой—это воспоминанія взрослога человѣка о томъ возмутительномъ отношеніи къ матери, которое онъ проявлялъ въ дѣтствѣ и юности. Единственный сыпъ вдовы, эгоистъ въ высшей степени и въ то-же время постоянно больной маніей ложнаго стыда, онъ съ одной стороны самымъ безстыднымъ образомъ эксплуатируетъ чувство матери, безконечно его любящей, подвергая ее самымъ незаслуженнымъ оскорбленіямъ и униженіямъ, а съ другой—въ несчастные моменты раскаянія—стыдится сознаться въ своей винѣ. Если бѣдная десятилѣтняя Настуся («Батькивське право») отъ побоевъ и сентенцій матери о ея родительскихъ правахъ должна *защитаться* словами: «самы породылы, то мусыте й годуваты», то здѣсь сылокъ, на основаніи какъ разъ того-же разсужденія (стр. 186), находятъ оправданіе для эгоистическаго пользованія силами любящей матери и освобожденія себя отъ всякихъ нравственныхъ обязанностей по отношенію къ ней. Изображеніе отношеній между матерью и сыномъ—лучшая часть разсказа, трогающая читателя.

Герой только что разсмотрѣннаго разсказа, сынъ великоросса, мучить свою мать-польку, высказывая крайнее презрѣніе къ ея національности. Забитая и малоразвитая мать эгоиста-сына, беззавѣтно ею любимаго, подъ вліяніемъ издѣвательствъ послѣдняго и изъ любви къ нему, рада отречься отъ своей національности; иные результаты даетъ неудовлетворительность или оскорбленіе этого чувства у натуръ болѣе самостоятельныхъ и развитыхъ: здѣсь оно обостряется до болѣзненности, а проявленія его доходятъ до крайностей. Чтобы убѣдиться въ этомъ достаточно прочесть дневникъ молодого украинскаго націонала подъ загла-

віемъ: «Psychopathia nationalis»¹⁾—безпретенціозно, но прекрасно написанную вещь, проникнутую искренностью и блестящую колоритными картинками народної жизни и природы. Здѣсь чувство національности проявляется въ такихъ формахъ, что и смѣшитъ читателя, и трогаетъ.

Съ отрицательной точки зрѣнія смотритъ авторъ на тѣ проявленія національнаго чувства, которыя изображены имъ въ разсказахъ: «Въ народъ», «Сырта Захарко» и «Исторія одніей подорожи».

«Въ народъ» нѣсколько напоминаетъ «Перши дебюты одного радыкала» (но только безъ достоинствъ этого послѣдняго разсказа) и посвященъ также первымъ дебютамъ одного молодого націонал-гимназиста, идущаго «въ народъ» проповѣдывать національную идею и объединяться съ народомъ. При этомъ онъ, конечно, дѣлаетъ и говоритъ всякія глупости, благодаря чему и терпитъ отъ крестьянъ различныя непріятности—до побоевъ включительно, послѣ чего чуть не бросаетъ своего «націонализма», но ограничивается устраненіемъ изъ своего символа вѣры лишь «демократизма», полагая, что можно любить украинскій языкъ и безъ симпатій къ мужикамъ.

Подобнаго же гимназиста-націонала, правда,—не такого уже карикатурнаго,—найдемъ мы и въ лицѣ Олеся въ разсказѣ «Сырта Захарко», и въ лицѣ Александра изъ «Исторіи одніей подорожи»: игра въ національность и пренебреженіе къ положенію трудящагося народа. Обличительное намѣреніе автора въ трехъ послѣднихъ разсказахъ слишкомъ явно, чтобы не идти въ разрѣзъ съ эстетическими требованіями; да и съ принципіальной стороны вопросъ мало обоснованъ: вѣдь не мальчишки-же гимназисты являются создателями того направленія, противъ котораго, по справедливости, возстаетъ авторъ. Здѣсь какъ разъ нужно-бы говорить о «старшихъ», а не о «младшихъ».

---

1) Дневникъ, подъ заглавіемъ „Нудьга“, перепечатанъ въ изданномъ въ Петербургѣ г. Бѣлиловскимъ сборникѣ: „Складка. Альманахъ. 1897“.

Впрочемъ, это не уменьшаетъ достоинствъ изображенія фигуръ гимназической молодежи,—вообще всѣ они у г. Крымскаго очень живы, реальны и рельефно нарисованы. Въ помянутыхъ только что разказахъ особенно хорошъ Олесъ съ его смѣшными проектами національныхъ воззваній, его наноснымъ народничествомъ, которое моментально исчезаетъ, какъ только представитель «народа», хлонецъ Захарко, пробуетъ уклониться отъ исполненія прихоти паныча, и съ его религіозными восторгами немедленно послѣ побитія Захарка...

Судьба этого послѣдняго наводитъ на серіозныя размышленія объ отношеніяхъ такъ называемыхъ «образованныхъ классовъ» къ народу. Тѣ отношенія, которыя приводятъ сироту Захарка къ преступленію, а несчастнаго извозчика еврея («Исторія однієї подорожи») доводятъ до отчаянія, вѣдь слишкомъ распространены для того, чтобы возможно было о нихъ не думать, чтобы не спросить вмѣстѣ съ авторомъ: «Колы вже зазоріє свитло правды и Захарови, и цій невченій пани, и цьому вченому чаньчеви-украинолюбцеви? Колы? колы?!...» (171).

Въ предисловіи къ своему томику авторъ самъ указываетъ на то, что между его разказами замѣчается связь, какъ формальная (первоначально нѣкоторые изъ нихъ были частями одного романа), такъ и внутренняя: присутствіе въ различныхъ разказахъ однихъ и тѣхъ-же типовъ. Въ самомъ дѣлѣ: между Костею («Батьківське право»), Химченкомъ («Перші дебюти»), Котовичемъ («Въ народь»), Олесемъ («Сирота Захарко»), Александромъ («Исторія однієї подорожи») и Лаговскимъ («Не порозуміються») несомнѣнное психическое родство. Въ сущности, все это одна и та-же психическая фізіономія, по разсматриваемая съ нѣсколькихъ неодинаковыхъ точекъ зрѣнія. Прежде всего это (какъ и герой «Выривкивъ изъ мемуаривъ») люди нервно-больные, каждый въ большей или меньшей степени, съ сильно развитой чувствительностью, быстро реагирующей на внѣшнія вліянія, и въ то-же время занятые постояннымъ самоанализомъ, ковряніємъ въ собственной душѣ--чѣмъ кто изъ нихъ старше лѣтами, тѣмъ болѣе этимъ занимается; благодаря этому, способ-

ность ихъ къ выдержанной и стойкой дѣятельности ничтожна (за исключеніемъ отчасти Химченка),—все ограничивается порывами; сильно развитое, иногда до болѣзненности, самолюбіе и у каждаго (даже у Химченка, не смотря на его базаровскія грубости) хоть въ зародышѣ—эстетическая жилка. Типъ очень современный и къ сожалѣнію, распространенный.

Что можетъ выйти изъ него?

Авторъ пробуетъ самъ на это отвѣтить относительно героя «Не порозуміються»:

— «А що жъ дали буде зъ Андріємъ?—спытае читачъ.

— Йй Богу не знаю, дорогой читачу мій! Бо, бачте, я не брехню спысавъ вамъ, а щыру правду. Андрій—людина гистеричпа: кожнисинькои хвильны зугаренъ винъ утнуты таку штуку. що ниhto й не вгадае чогось такого... Я жъ думаю, що Андрій колысь або повисыться, або увиреуе въ Бога та й піде въ ченци». (332).

Герой «Вырывкивъ изъ мемуаривъ» избираетъ повидимому послѣдній путь, а относительно радикала-Химченка авторъ иного мнѣнія, ибо такъ оканчиваетъ разсказъ о немъ:

«Саадій каже: «Ез ебры сїаг баред абы сепид»—Зъ черной хмары льється ясный дощъ». (137).

Хорошо, если этотъ дождь будетъ благодѣтельнымъ дождемъ, дающимъ жизнь!.. Но какъ мало въ окружающей обстановкѣ благоприятныхъ условій для этого—видно и изъ разсказовъ г. Крымскаго. Мало ихъ въ быту образованныхъ классовъ, мало и среди народа.

Уже и въ разсмотрѣнныхъ здѣсь разсказахъ г. Крымскій даетъ пѣмъ образцы очевиднаго знанія народной жизни. Особенно хороши народныя сцены въ разсказахъ «Сирота Захарко»,—напр., полная здороваго юмора сцена въ кухнѣ (стр. 140—152) и вообще вся фигура мальчика Захарка—умнаго, способнаго, доведеннаго до ошибки тѣми-же, которые возмущались его проступкомъ и затѣмъ безсердечно наказали его... Не менѣе тяжелую картину находимъ мы и въ единственномъ у автора разсказѣ изъ народной жизни: «Такъ хто-жъ справди вынешь?!» Здѣсь изображена вѣчная распря мужа и жены, двухъ людей, которые никогда не

должны были бы жить вмѣстѣ и, однако, скованы для совмѣстной жизни, которая хуже каторги. Авторъ, всегда возстающій противъ всякаго насилія личности надъ личностью, вѣренъ себѣ и въ этомъ разсказѣ, гдѣ полная реальность изображенія соединена съ художественностью. Читаешь эту исторію несчастной пары и кажется, будто дѣйствительно слышишь голосъ разсказывающей женщины. Этому въ сильной степени помогаетъ и языкъ—образный, выразительный и почти безукоризненно народный,—жаль, что не всѣ разказы г. Крымскаго написаны такимъ языкомъ!.. «Такъ кто жъ справди вынень?» кажется намъ, изъ всѣхъ беллетристическихъ произведеній г. Крымскаго, вещью, наилучше написанный, хоть и не самой интересной по содержанію.

Беллетристичѣ нашего автора вредитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ субъективный тонъ, доводящій до обращеній автора къ читателю по поводу того или иного поведенія героевъ («Батьк. право», «Исторія одн. подорожи» «Сырта Захарко»),—старый приѣмъ, неприятно теперь поражающій ¹⁾. Въ лирическихъ стихотвореніяхъ, по самому свойству этого рода поэзіи, наоборотъ—проявленіе личности автора нисколько не вредитъ; даже болѣе: чѣмъ сильнѣе и искреннѣе проявляется чувство автора, тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ лирика. Это и замѣтно на оригинальныхъ лирическихъ произведеніяхъ г. Крымскаго.

Впрочемъ, сперва обратили на себя вниманіе не оригинальныя, а переводныя стихотворенія г. Крымскаго. Для переводовъ предъ нимъ широкое поле, благодаря его знанію языковъ: кромѣ трехъ индоевропейскихъ мертвыхъ, онъ располагаетъ весьма живыми европейскими, не считая всѣхъ славянскихъ и чуть-ли не десяткомъ восточныхъ. Благодаря знанію послѣднихъ, г. Крымскій внесъ въ украинскую литературу совершенно новую струю своими переводами восточныхъ поэтовъ—Хейяма, Фирдуси, Гафиза, Саадія, Абуль-Аля, Антара, Хамъасы, равно какъ чисто народныхъ турецкихъ пѣсень («Народъ», 1890, № 18) и многіе изъ

¹⁾ Въ книгѣ „Изъ повистоукъ и эскизивъ“ авторъ нѣсколько сгладилъ это въ двухъ первыхъ разсказахъ.

этихъ переводовъ (особенно изъ Хейяма)—прекрасны. Къ сожалѣнiю, большая работа г. Крымскаго—переводъ «Шаг-Наме» Фирдуси остается неоконченной: появилась только первая часть ¹⁾. Изъ другихъ поэтовъ г. Крымскій переводилъ мелкiя стихотворенiя Сафо, Гете, Байрона, Ростана, а больше всего—Гейне, изъ котораго переведено около тридцати мелкихъ стихотворенiй и—очень хорошо—«Вицли-Пупли».

Свои стихотворенiя (оригинальныя и небольшую часть переводовъ) г. Крымскій издалъ сборникомъ подъ заглавiемъ: «Пальмове гылля. Экзотычни поэзи» ²⁾.

Въ этомъ томикѣ сотрудничаетъ два автора: лирическiй поэтъ Крымскій даетъ прекрасныя стихотворенiя, а профессоръ Крымскiй—поясненiя къ нимъ.

Сознаемся, что мы предпочитаемъ поэта. Всякiй поэтъ печатая книгу, обращается ко всѣмъ интересующимся поэзiей, ко всѣмъ чувствующимъ ее, а профессоръ Крымскiй неуклонно въ обонхъ изданiяхъ «Пальмоваго гылля» утверждаетъ, что его книга издана въ свѣтъ «не для людей физично-здоровыхъ, а тилькы для людей трохы слабыхъ, зъ надламаною жытвевою снагою або нервамы... для тыхъ людей, що... зугарни часомъ дизпаты бильше втихы й радощивъ изъ звисткы про новитнiй свижкiй кучерявий паростокъ на гималайскiй кедрыни-деодари, нижъ изъ телеграммы про зныженъе таксы на силь». «А котри чытачи здоровисиньки на тило й на серце... жваво рвуться на смилыву боротьбу за цилу прыгничену голодну суспильнисть»—тѣмъ рекомендується не разворачивать сборника, а если они это, по ошибкѣ, сдѣлають, то должны поскорѣй забыть и стихи, и ихъ автора. («Заспивъ»). Конечно, къ больному челоуѣку слѣдуетъ относиться съ бѣльшей

1) Первоначально о журналѣ «Жыте и слово» (1895), а затѣмъ, по его прекращенiи, отдѣльно: «Шаг-Наме Абуль Касима Фирдовсиа. З перськой мови переклав А. Крымскiй. Частина перша. Льв. 1896. (Литературно-наукова бiблiотека. Нова серiя. Кн. 7).

2) Ссылки, кромѣ отдѣльно указанныхъ случаевъ, дѣлаемъ по второму изданiю (Звенигородка, 1902).

внимательностью и предупредительностью, но зачѣмъ-же обижать здоровыхъ за то только, что они здоровы и интересуются экономическими вопросами и соціальною борьбой, не исключаяющими интереса и къ поэзіи вообще? Хорошая вещь поэзія,—пусть же нею интересуется всякій, кто захочетъ.

Обратимся и мы къ ней.

Пейзажи Сиріи и Кавказа, отзвуки гѣсенъ Ливанскихъ горъ и іерусалимскихъ окрестностей, шелестъ пальмъ и запахъ туберозъ и наркотическихъ гвоздикъ... и истерзаные нервы европейца XX вѣка, украинца XX в., не могущаго среди этой роскоши чуждей природы забыть родного края:

Горди пальмы... Думни лавры...

Манячливый кысарысь...

Океанъ тропичныхъ квитивь...

Ще й цвите цытрынный лисьь...

Я хытнувсь, бо паче впывся

Зь аромату тыхъ квитокъ.

Ажъ погляну: коло пальмы

Простый жытний колосоць.

«Гей земляче!»—шенче колосъ,

Похыльвынысь на стебло:

«Мы чужи для цѣго раю,—

Що жь сюды насъ прынесло?»

И снова чуждыя, но ошняющія своей красотой картины природы, много прекрасныхъ картинъ и еще больше плача истерзанныхъ нервовъ и снова крикъ:

Непе-голубко! до тебе й лицу:

Туть я чужый чуженьця.

Аще забуду тя Ерусалыме,—

Будь ми забвепна десныця!

Най до гортани языкъ мій прылыпне,

Скоро тебе позабуду

И въ чужыни одибьюся одъ службы
Нашому ридному люду!

И затѣмъ эпилогъ:

Спиваю писню, повную огня,
Изъ неи вѣ духъ жывый и смилый,—
Нихто й не домиркуеться, що я—
Давно вже трупъ, увесь захолодилый.

А между тѣмъ началомъ и этимъ концемъ—двѣ исторіи о любви: исторія про «Нечестыве кохання» и исторія про «Кохання по людському», написанныя поэтомъ Крымскимъ въ формѣ двухъ цикловъ стихотвореній и объясненныя профессоромъ Крымскимъ въ духѣ «Крейцеровой сонаты» Л. Толстого.

Герой охваченъ впезапнымъ и пенобѣдимымъ чувствомъ къ женщинѣ, принадлежащей другому и, быть можетъ,—кому то близкому для героя. Онъ мучится сознаниемъ безнадежности своей любви и, какъ часто бываетъ въ такихъ случаяхъ, сознаниемъ ея безнравственности:

Розумъ зважывъ: се коханис марне,
Нерозумне, дывне та й мерземе.

Онъ даетъ себѣ обѣщаніе никогда не обнаружитъ его передъ той, которую любить:

Ни, николы одъ мене не вчуешъ,
Що тебе я люблю:
Циле небо було бь захыталось
На ту сповидь мою.

Затемнылось бы яснее сонце,
Поспадалы бь зиркы;
Срибный мисяць зь такого бь печестя
Росколовсь на шматкы.

Ни, николи видь мене не вчуешь,
 Що тебе я люблю:
 Вся природа була бы вжахнулась
 На ту сповидь мою.

Застогналы бь могутніи кедры,
 Розчахнулась земля,
 И морськую безодню збурмыло бь
 Нечестыве чуття.

Но сейчас же герой протестуетъ, во имя законовъ той-же самой природы, противъ какого-бы то ни было ограниченія чувства:

Якъ я родытись мавъ на билый свить,
 Дакъ не пытавсь ништо моеи згоды...
 Я маю право *все* любить!
 Отсе законъ природы.

Понятно, что при такомъ напряженіи чувства признаніе въ любви вырывается самымъ неловкимъ образомъ, да еще и при самыхъ неудобныхъ условіяхъ. Оно отвергнуто, но не умерло въ сердцѣ героя, который продолжаетъ жить сладостно-мучительными воспоминаніями своей любви. Сознаніе ея безнадежности съ одной стороны и неустранимости съ другой—заставляетъ героя утѣшать себя мыслью о сквернѣ любви сексуальной и достоинствахъ любви платонической, и прекрасный циклъ заканчивается переводомъ стихотворенія Ростана, въ которомъ говорится о любви почти уже не къ опредѣленной женщинѣ, а къ какому-то созданному собственнымъ воображеніемъ образу:

А я—дакъ кохало, кого и не знаю:
 Далеку Царивну...

Совершенно естественный конецъ для чувства всякаго здороваго и богатаго духовной жизнью человѣка, ни коимъ образомъ не доказывающій преимуществъ платонической любви, о чемъ

говорить профессоръ Крымскій въ предисловіи. (Заспивъ, 7). Вѣдь для каждаго ясно, что съ теченіемъ времени образъ «Далекою Царивны» долженъ поблѣднѣть, а съ тѣмъ вмѣстѣ можетъ появиться на сцену и новое чувство къ новой личности. Однимъ изъ многочисленныхъ примѣровъ можетъ служить Данте съ его «Далекою Царивною»—Лаурой съ одной стороны и женою Джеммою и четырьмя дѣтьми—съ другой...

Неплатонической любви посвященъ циклъ «Кохання по людському», гдѣ она изображена упоительной сперва и имѣющей всѣ признаки разврата въ послѣдствіи¹⁾. Профессоръ Крымскій увѣряетъ насъ, что всякая неплатоническая любовь оканчивается тѣмъ, что является «огыда до цілого свиту... и зъ живою людны робытсья безсылый духомъ манекенъ або бидолашний ходячий духовный трупъ, що й высоки громадськи идеи вже не оживляють ёго надовго до справжнёго жыття» (8). Крайности этого утвержденія до такой степени очевидны, что нѣтъ большой надобности даже приводить доказательства противнаго; позволимъ себѣ развѣ назвать имена такихъ людей какъ Гете, Шекспиръ, Байронъ, В. Гюго, Гарибальди и др., которыхъ никоимъ образомъ нельзя обвинить въ пренебреженіи къ неплатонической любви и въ то-же время нельзя и сказать, что они были ходячими духовными трупами, не оживленными высокими общественными идеями. Для доказательства своего положенія авторъ заканчиваетъ циклъ двумя сильными стихотвореніями общественнаго характера, а затѣмъ приписываетъ уже извѣстный намъ эпиллогъ:

Нихто й не домиркується, що я
Давно вже трупъ, увесь заохолодильный.

Но дѣло въ томъ, что циклъ написанъ въ 1900 г. (см. «Заспивъ»), а два помянутыя стихотворенія—«Веспяна розмова» и «Тарасове свято на чужини»—появились въ печати за нѣсколько

¹⁾ См. стих. «Нудьга въ души, ломога у кисткахъ» и «Шумыть-кыйыть бульваръ»—стр. 69 и 71 львовск. изданія.

лѣтъ до того и написаны такимъ образомъ совершенно независимо отъ цикла, въ который вставлены чисто механически, лишь для подтвержденія теоретическаго положенія. Но даже если-бы ими и доказывалось положеніе, то его можно было-бы распространить только лишь на людей большихъ, болѣе или менѣе ненормальныхъ, потому что герой этого цикла стихотвореній—человѣкъ больной: авторъ изобразилъ здѣсь дѣйствительно видѣнное имъ лицо: «таку безгаланну людину, у якої песимистичный свитоглядъ и огыда до всіхъ людей зростали пароксизмамы, параллельными до її полового жыття». (8). Понятно теперь, почему стихотвореніе «Шумыть-кыпыть бульварь» (стр. 71 львовск. изд.) такъ напоминаетъ медитаціи стараго грѣшника изъ разсказа «Вырывки изъ мемуаривъ одного стараго гриховоды», болѣзнь котораго, по опредѣленію самого автора, — *psychopathia sexualis*. Но какимъ-же образомъ къ людямъ здоровымъ могутъ быть приложены выводы, сдѣланные на основаніи состоянія человѣка больного?

Но, оставивъ въ сторонѣ этотъ вопросъ, мы найдемъ въ циклѣ «Кохання по людському» много хорошихъ стихотвореній¹⁾

¹⁾ Есть, однако, образы слишкомъ изысканные, сравненія слишкомъ натянутыя и производящія непріятное впечатлѣніе. Для примѣра укажемъ на стихотвореніе: «Гей винокъ!» (67); гдѣ попадаются такія, напр., сравненія:

Ой не білая жь то рожа:
Била жиночка хороша.

Ой не сыняя жь то хвыля,
А хвылястая мантиля;
Мрамуровый замокъ звуть
Билосижна грудь.

Или въ другомъ стихотвореніи:

Ой не пыты воду зъ моря:
То-жь солоня гиркота!..
Дастъ вона своен слыны—
Посолоднае вода. (59)

Кромѣ того, критика справедливо указывала на небрежныя рифмы г. Крымскаго,—впрочемъ, онѣ кое-гдѣ исправлены во 2-мъ изданіи сборника.